

I.A. Zaripov

The traditional and rational in the exegetical methodology of Muhammad ibn Jarir...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(1):82–96

DOI 10.31162/2618-9569-2024-17-1-82-96

УДК 28-24

Original Paper
Оригинальная статья

Традиционное и рациональное в экзегетической методологии Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923)

И.А. Зарипов^{1а}

¹Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3140-2697>, e-mail: islamzarif@gmail.com

Резюме: Обычно считается, что комментарий Корана (*тафсир*) средневекового мусульманского богослова Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923), являющегося первым систематизатором классической коранической экзегетики, «Джами' аль-байан 'ан та'виль ай аль-Кур'ан» («Свод изъяснений об истолковании айатов Корана») однозначно относится к жанру комментариев на основе преданий (*тафсир би-ль-ма'сūr*), которому обычно противопоставляется жанр рационалистических толкований (*тафсир би-р-ра'й*), отвергаемый рядом буквалистских течений ислама. Однако проведенный в настоящем исследовании анализ показывает, что Табари не только приводит предания «отцов уммы», причем часто представляющих различные мнения, но и высказывает собственную точку зрения, основанную в большинстве случаев на фактах языкового анализа. Сформулированная им экзегетическая формула «предания + язык», в которой при этом именно последний элемент является определяющим, представляет собой своеобразное сочетание традиционного с рациональным. Такой подход «предстоятеля муфассиров», помимо всего прочего, открывает широкие возможности будущим поколениям для раскрытия современных интерпретаций коранического текста.

Ключевые слова: Табари; кораническая экзегетика (*тафсир*); корановедение; исламоведение; исламская теология

Для цитирования: Зарипов И.А. Традиционное и рациональное в экзегетической методологии Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923). *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):82–96. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-82-96

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The traditional and rational in the exegetical methodology of Muhammad ibn Jarir al-Tabari (839–923)

I.A. Zaripov^{1a}

¹*Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3140-2697>, e-mail: islamzarif@gmail.com

Abstract: It is generally believed that the commentary of the Qur’ān (*tafsīr*) by the medieval Muslim theologian Muḥammad ibn Jarīr al-Ṭabarī (839–923), who is the first systematizer of classical Qur’ānic exegesis, “Jāmi’ al-bayān ‘an ta’wīl ay al-Qur’ān” (“The Comprehensive Exposition of the Interpretation of the Qur’ān”) definitely belongs to the genre of commentary based on traditions (*tafsīr bi-l-ma’tḥūr*), which is usually opposed to the genre of rationalistic interpretations (*tafsīr bi-r-ra’y*), rejected by a number of literalist movements of Islam. However, the analysis carried out in this study shows that Ṭabarī not only cites the traditions of the “ancient fathers of the Ummah”, while often representing different opinions, but also expresses his own point of view, based in most cases on the basis of linguistic analysis. The exegetical formula “tradition + language” formulated by him, where the latter element is decisive, is a peculiar combination of the traditional with the rational. This approach of “the lead of the Mufasssiers”, among other things, opens up wide opportunities for future generations to reveal modern interpretations of the Qur’ānic text.

Keywords: Tabari; Qur’ānic exegesis (*tafsīr*); Qur’ānic studies; Islamic studies; Islamic theology

For citation: Zaripov I.A. The traditional and Rational in the exegetical methodology of Muhammad ibn Jarir al-Tabari (839–923). *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(1):82–96. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-1-82-96

Введение

Имя Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923) хорошо известно всем исследователям ислама, ведь именно он является ключевым звеном в становлении мусульманской историографии, в частности в концепции всемирной истории, а также основоположником классической коранической экзегетики (*имām аль-мufасссирйн*). Две его главные работы, кратко называемые «Тарих» («История») и «Тафсир» («Экзегетика»), по верному замечанию исследователей, объединяет общий методологический подход к этим весьма разным жанрам мусульманской науки, заключающийся в приведении широкого спектра различных преданий по рассматриваемой теме. Так, на-

пример, Клиффорд Босуорт отмечал: «Великие достоинства его истории и комментариев заключаются в том, что они составляют наиболее обширные из дошедших до нас ранних работ по исламской науке и что они сохранили для нас наибольшее количество цитат из утраченных источников» [1, р. 13].

Само полное название тафсира Табари – «Джами' аль-байан 'ан та'виль ай аль-Кур'ан» («Свод изъяснений об истолковании аятов Корана») презентует его как своеобразный компендиум ранней мусульманской экзегетики. Исходя из этого многие мусульманские и европейские ученые однозначно относят его к жанру комментариев на основе преданий (*тафсир би-ль-ма'сур*), которому обычно противопоставляется жанр рационалистических толкований (*тафсир би-р-ра'й*).

Однако еще в XV в. Джаляль ад-дин ас-Суйути в своей знаменитой корановедческой энциклопедии «Аль-Иткан фи 'улюм аль-Кур'ан» («Совершенство в коранических науках») отмечает важное отличие тафсира Табари от других комментариев на основе преданий, в которых исключительно приводятся только цитаты ранних авторитетов вместе со ссылками на источники, откуда они взяты, и/или иснады – цепочки их устных передатчиков. Он указывает: «Исключение составляет Ибн-Джарир, который сопоставляет толкования между собой и высказывает свое предпочтение (*тарджих*), делает их грамматический разбор и выявляет их скрытый смысл» [2, с. 107].

В последующем эту особенность отмечали и европейские исследователи. Например, Р. Белл и М. Уотт со ссылкой на И. Гольдциера и Ф. Сезгина указывают: «Иногда экзегеты противоречат друг другу, и тогда ат-Табари, приведя все различные мнения, сам пытается определить истину и приводит доводы в пользу того или иного толкования» [3, с. 195].

В 1989 г. выходит исследование Мухаммада ад-Дусуки «Фикх аль-имам ат-Табари: усулю-ху ва-хасаису-ху» («Юриспруденция имама ат-Табари: методология и особенности»), в котором на основе анализа комментариев средневекового богослова к аятам, содержащим законодательные нормы (*ахкām*), предпринимается попытка реконструировать его взгляды на проблемы мусульманского права. В заключении своей работы автор выделяет ряд особенностей фикха Табари, одной из которых он называет сочетание традиционного с рациональным [4].

Необходимо отметить, что Ибн-Джарир был не просто муджтахидом наивысшего уровня, но и основателем собственной правовой школы – джаририйя, просуществовавшей около 200 лет [5, р. 193]. Во многом она была сформирована в результате острой полемики богослова с крайними буквалистами – захиритами и, особенно, ханбалитами. Признавая Ахмада ибн Ханбаль (780–855)¹ выдающимся хадисоведом, Табари в то же время не считал его законоводителем и чрезвычайно критично, местами даже язвительно, высказывался в адрес выводивших на основе его работ правовые решения последователей. В ответ быстро набиравшие популярность у багдадской толпы фанатики из числа ханбалитов не только приводили словесные доводы, безосновательно обвиняя оппонента в приверженности джахмизму и шиизму, но и часто забрасывали великого ученого, его дом и учеников камнями [1, р. 12].

В то же время Табари, как и захириты, ограничивал *иджмā* ‘консенсус» сподвижниками Пророка, а также отрицал его в отношении положений, выведенных на основе аналогий (*кыйās*), а не самого текста первоисточника [6, р. 339].

В практическом плане одна из наиболее ярких особенностей мазхаба Табари, как отмечают исследователи, заключалась в чрезвычайно либеральном отношении к положению женщин. Он, например, считал разрешенным занимать им пост судьи (*қāды*) [7, р. 135].

Однако такой умеренный рационализм с опорой на предания был присущ Табари не только в области права, но и, на наш взгляд, всей его экзегетике. Методология комментирования весьма подробно была описана самим богословом во Введении к «Тафсиру», которое было переведено на русский язык и проанализировано профессором Д. В. Фроловым и автором данной статьи [8; 9; 10; 11; 12]. В настоящем же исследовании мы более подробно остановимся на проблеме соотношения традиционного и рационального как в самой методологии богослова, так и в ее практическом применении в ряде аятов.

¹ Ахмад ибн Ханбаль (780–855) – мусульманский богослов-традиционалист, хадисовед, эпоним одной из четырех ортодоксальных суннитских богословско-правовых школ (*мазхабов*), автор известного свода хадисов под названием «Муснад».

Рационализм в экзегетической теории Табари

Уже в самом начале своего Введения, затрагивая вопрос о существовании и единственности Бога, Табари однозначно говорит о приоритетности рациональных (*‘ақлӣ*) доводов над традиционными (*нақлӣ*). В частности, он называет само бытие мира главным и достаточным аргументом, тогда как ниспослание Писаний, на его взгляд, является лишь дополнением. Передатчики Божьих Откровений – пророки – наделяются Господом чудесами, которые, по его мнению, отличаются своими степенями. Самым великим среди них он считает Коран, который превосходит даже такие чудеса, как исцеление больных и воскрешение мертвых. В отличие от последних, осязаемых современниками физически, а последователям известным только из традиции, чудесность «слова Аллаха» может быть познана только рационально.

Самое значительное по объему место во Введении занимает тема ниспослания Корана в семи харфах. Интерпретация высказываний Пророка об этом, действительно, составляет большую проблему в мусульманском богословии. Суйуты в своей корановедческой энциклопедии «аль-Иткан фи ‘улюм аль-Кур’ан» («Совершенство в коранических науках»), например, приводит 16 основных вариантов их понимания и еще 35 указанных Ибн-Хиббаном [13, с. 172–188]. У Табари в соответствующем разделе 59 преданий, 40 из которых возводятся к Пророку, а остальные – к авторитетам первых поколений. Однако при этом Табари однозначно интерпретирует их только как семь наречий (*люгāt*), на которых изначально был ниспослан Коран, т. е. в различных *харфах* могли использоваться разные по форме слова, передающие один и тот же смысл. При этом он отмечает, что после смерти пророка Мухаммада общине «была предоставлена свобода выбора читать и сохранять его в том из семи харфов, в каком она сама пожелает» [14, с. 58], и халиф ‘Усман своим решением избрал один из них, на котором он и был сохранен. Отметим, что эта позиция Табари отличается от мнения большинства ортодоксов, которые считали, что все семь харфов сохранены и содержатся в ‘Усмановом кодексе [13, с. 186–187].

Богослов и дальше во Введении отстаивает рациональную позицию в отношении Корана.

Во-первых, это выражается в том, что в этом же разделе о семи харфах он, хотя и в скользь, но все же говорит о возможности перевода Священного Писания на другие языки. Несмотря на то, что, на его взгляд, перевод не может читаться в литургических целях, объявленная им возможность выглядит весьма либерально, ведь даже сегодня эта проблема очень остро обсуждается в мусульманском сообществе и ряд крайних традиционалистов говорит о категорическом запрете перевода Корана [14, с. 70].

Во-вторых, намного подробнее, в нескольких главах Введения, Табари доказывает правомерность самого толкования Священного Писания. Рассматривая предания, в которых сообщается о том, что пророк Мухаммад комментировал «только считанные айаты», а ряд «отцов уммы» поколения табиитов (*tabī'ūn*) категорически отказывался толковать Коран, богослов не касается вопроса их аутентичности, на основе которого обычно строят свои изыскания традиционалисты, а разъясняет их согласно своему пониманию. Так, он указывает, что пророк Мухаммад толковал айаты лишь тогда, когда это было велено ему Господом, а отказ некоторых из последователей связывал лишь с их собственным опасением того, что «их уровень знаний» (*idjhtihād*) не позволяет им делать это [14, с. 88–89]. В то же время он приводит большое количество сообщений о том, что такие авторитетные сподвижники Пророка, как Ибн-Мас'уд² и Ибн-'Аббас³, разъясняли значения читаемых айатов. К этому он еще добавляет подборку коранических цитат с призывом размышлять над айатам (38: 29; 39: 27–28 и др). Это, по его мнению, есть однозначный довод в пользу того, что толкование Корана является обязанностью мусульман, за исключением только тех айатов, которые они не в состоянии понять [14, с. 82].

К такого рода айатам Табари относит те, что повествуют об эсхатологии, ибо знание об этом, по его мнению, есть только у Бога. Он указывает, что даже пророческие сообщения, комментирующие эсхатологические айаты,

² 'Абдаллах ибн Мас'уд (ум. 653) – сподвижник, ислам принял очень рано и с тех пор неотлучно был при пророке Мухаммаде в качестве его личного слуги, за исключением краткой эмиграции в Эфиопию. Говорил, что 70 сур слышал прямо из уст Посланника Аллаха. Мухаммад включил его в число четырех человек, у которых он советовал учиться Корану. Автор раннего, неканонического свода Корана, который он начал составлять еще при жизни Пророка, но закончил уже после того, как обосновался в Куфе.

³ 'Абдаллах ибн 'Аббас (619–686) – двоюродный брат пророка Мухаммада, прозванный «книжник общины» (*ḥaḡr al-umma*) и «толмач Корана» (*tarǧumān al-Kur'ān*), единодушно считается основателем мусульманской экзегетической традиции и шейхом мекканской школы тафсира.

лишь описывают приметы (*аширāt*) наступления Конца света, так как даже «Своему избраннику» Господь не дал большего знания в этом вопросе. Поэтому именно такие айаты богослов относит к «неясным» (*муташāбих*), которые согласно айату 3: 7 противопоставляются «ясным» (*мухкам*) [14, с. 74].

Табари выделяет еще одну группу айатов, понимание которых, на его взгляд, возможно исключительно через разъяснение пророка Мухаммада, т.е. дошедшие от него как прямые, так и косвенные высказывания, а также описания его действий. К ней он относит айаты, повествующие о нормах закона (*ахкām*) [14, с. 74]. При этом он особо отмечает, что предания, возводимые к Пророку, должны быть надежными (*ахбār сāбита*) «либо по причине наличия многочисленных передатчиков (*накль мустафйд*), если таковые имеются, либо в силу наличия надежных авторитетов (*‘удуль асбāt*)» [14, с. 93].

Все остальные айаты, помимо этих двух групп, богослов называет «ясными» (*мухкам*), их толкование может знать «всякий, кто владеет языком, на котором ниспослан Коран». При этом к знанию языка он относит грамматику, лексику и многозначность терминов, познание которых возможно только через изучение поэзии, прозаической словесности (*мантық*) и многочисленных говорков (*люгāt*) арабов [14, с. 75, 93]⁴.

На основе такого разделения айатов Табари строит свой метод комментирования Корана, который подробно описывает в конце Введения. При этом здесь он еще и указывает возможность существования различных суждений ранних авторитетов, сопоставление которых, по его мнению, необходимо строить на основе соответствия языкового анализа айата [14, с. 93].

Таким образом, экзегетическая формула Табари состоит из двух обязательных элементов – «предания + язык», в которой последний, на наш взгляд, весьма рациональный, является определяющим.

Сопоставление преданий

Отдельно остановимся на первом элементе экзегетической формулы Табари – предания, ведь именно он обычно считается отличительной чертой его тафсира. Говоря о хадисах, приведенных в его книге, нужно в пер-

⁴ Интересно отметить, что выдающийся отечественный богослов М. Бигиев (ум. 1949) изучение арабской грамматики и литературы ставит на первое место в своей концепции высшего исламского образования. Более подробно см.: [15].

вую очередь учитывать, что, в отличие от большинства последующих комментаторов Корана, этот богослов сам собирает и отбирает хадисы, приводя в своем тафсире их полные цепочки передатчиков (*иснады*). Сопоставление приведенных им преданий с канонизированными суннитами в последующем «шестью сборниками» (*аль-кутуб ас-ситта*) нуждается в отдельном исследовании и выходит за рамки настоящей работы. Однако с уверенностью можно сказать, что далеко не все включенные в эти каноны хадисы Табари принимает для своего комментария. Наиболее ярким примером этого является толкование двух последних сур Корана – «аль-Фаяк» (№113) и «ан-Нас» (№114), которые традиционно рассматриваются через призму преданий об обстоятельствах их ниспослания (*асбāб ан-нузūль*), сообщающие о том, как пророка Мухаммада заколдовали. Многие из их различных версий и изводов, цитируемых комментаторами, приводятся в наиболее авторитетных сборниках хадисов – «Сахихах» Бухари и Муслима. Однако Табари вообще никак не упоминает эту историю. С большой долей вероятности можно предположить, что этот автор двух фундаментальных трудов мусульманской науки – «Тарих» и «Тафсир», в большей степени построенных на преданиях, был знаком с этими хадисами, однако, вероятно, он был более критичен в оценке их аутентичности, чем авторы канонов [16, с. 697–706; 17, с. 396].

Еще одна важная особенность использования преданий Табари заключается в том, что он приводит всё известное ему разнообразие мнений ранних авторитетов, даже если они противоречат друг другу или он сам имеет отличную точку зрения. Вместе с этим достаточно часто богослов пытается нивелировать различные версии. Так, например, комментируя аят **«Которые по отношению к молитве своей небрежны»** (107: 5)⁵, он сначала приводит три мнения «отцов уммы»:

1) Опаздывают на молитву – мнение Убаййа ибн Ка‘ба⁶ и Ибн-‘Аббаса;

⁵ Перевод Корана в настоящей работе «синоптический», т. е. он не повторяет буквально ни один из известных авторских вариантов, хотя за основу и был взят перевод И.Ю. Крачковского, однако при необходимости использовались варианты из других переводов, более подходящие к контексту, или же в случае необходимости мы предлагали свой вариант.

⁶ Убайй ибн Ка‘б (ум. 642, по другим сведениям 650 или 655) – хазраджит, секретарь пророка Мухаммада в Медине. До принятия ислама исповедовал иудаизм и считался знатоком древних писаний. Убайй был хранителем Откровений законодательного характера и при необходимости зачитывал их Пророку. Составитель одного из ранних сводов Корана, который почитался в Сирии еще до появления ‘Усманава кодекса.

- 2) Пропускают молитву – Муджахид⁷ и Ибн-‘Аббас;
- 3) Отвлекаются во время молитвы – Катада⁸, Муджахид и Ибн-Зайд⁹.

А затем объединяет их в своем собственном суждении, говоря: «Наиболее правильное мнение, как мне кажется, это утверждение, что небрежные – это те, кто отвлекается от молитвы, невнимателен, когда молится. Поскольку безразличие, невнимательность, отвлечение на что-то иное приводят к тому, что иногда человек ее пропускает, а иногда – забывает о времени. Тогда получается, что правы и те, кто говорит, что это опоздание ко времени, и те, кто говорит, что это пропуск молитвы, ведь невнимательность охватывает все это» [17, с. 242–243].

В отличие от Табари такой традиционалистский экзегет, как Ибн-Касир (1301–1373)¹⁰, с опорой на хадис, приводимый в обоих «Сахихах», а также на высказывания других авторитетов уже однозначно трактует этот аят как относящийся к небрежности в отношении времени молитвы [17, с. 244].

Еще один, на наш взгляд, интересный пример рационального подхода Табари в попытке объединить различные версии интерпретации ранних авторитетов и даже расширить их заключается в его часто повторяемом выводе – все, что подпадает под данное описание, может иметься в виду. Например, в толковании аята: **«Клянусь вырывающими с силой, извлекающими осторожно»** (79: 2) он приводит следующие мнения ранних авторитетов:

- 1) ангелы, которые извлекают душу верующего с осторожностью – Ибн-‘Аббас и аль-Фарра¹¹;
- 2) смерть, которая извлекает душу человека – Муджахид, Судди¹² и Ибн-‘Аббас;
- 3) звезды, которые перемещаются со сферы на сферу – Катада;
- 4) веревки, завязанные узлом вроде аркана – ‘Ата¹³.

⁷ Муджахид ибн Джабр (642–722) – комментатор мекканской школы, ученик Ибн-‘Аббаса.

⁸ Катада ибн Ди‘ама (680–736) – басрийский хадисовед и комментатор Корана, рано ослеп.

⁹ Ибн-Зайд – Джабир ибн Зайд ал-Азди, Абу-ш-Ша‘са’ (ум. 712), басрийский хадисовед, ученик Ибн-‘Аббаса, от которого передавали Катада, Аййуб ас-Сахтийани и другие.

¹⁰ Ибн-Касир, Абу-ль-Фида’ Исма‘иль ибн ‘Умар аль-Кураши ад-Димашки (1301–1373) – сирийский корановед, хадисовед и историк, ученик знаменитого традиционалистского богослова Ибн-Таймийи (1263–1328).

¹¹ Аль-Фарра’, Абу-Закарийя Йахйя ибн Зийад (761–822) – известный грамматист куфийской школы и корановед.

¹² Судди – Исма‘иль ибн ‘Абд-ар-Рахман ас-Судди (ум. 745) – последователь, ученик Ибн-‘Аббаса, родом из Куфы, знаток Корана и жития Пророка, известен своими проалидскими симпатиями.

¹³ ‘Ата’ ибн Аби-Рабах (647–732) – последователь, известный законовед и хадисовед из Мекки.

Однако после этого Табари пишет, что Сам Всевышний в этом аяте не назвал конкретную вещь, которой клянется, и поэтому его значение может охватывать все, что подпадает под данное здесь определение, причем не только упомянутое «отцами уммы» [17, с. 103–104].

В тех случаях, когда различные мнения ранних авторитетов никак не согласуются между собой, Табари, следуя своей методологии, описанной во Введении, отдает предпочтение тому, которое, на его взгляд, более соответствует языку. Так, например, приводя пять вариантов истолкования слова *самад* в 112: 2: (1) не полный; (2) тот, из кого ничего не выходит; (3) не рожденный и не рожавший; (4) вечный; и (5) господин (*саййид*), достигший предела господства (*су’дуд*), богослов отдает предпочтение последнему, обосновывая это тем, что именно в этом значении оно использовалось в доисламской поэзии [17, с. 380].

На основе языкового анализа преданий, в том числе и об альтернативных чтениях (*қырā’āt*) отдельных слов Корана, Табари иногда доказывает суждения, отвергнутые в последующем суннитской ортодоксией. Один из самых ярких примеров этого – его разбор этимологии слова «Аллах», споры о котором продолжаются в мусульманской среде и сегодня (например, см.: [19]). Так, «предстоятель муфассиров» однозначно считает, что изначальный вид этого слова – *аль-иялах*, в котором произошло выпадение хамзы и удвоение лям, подобно тому, как это происходит и с рядом других слов в арабском языке. Более того, он считает, что слово *иялах* «бог», подобно подавляющему большинству других арабских имен, образовано от глагольной основы *’аляха/йа’ляху* «обожествлять». Он приводит такое выражение: *аляха аллāха фулянун ’иялахатан* «такой-то обожествил Бога обожествлением». Табари также приводит известный хадис, в котором говорится, что *Аллāх* – *ияху аль-āлиха*, где последнее слово, согласно его интерпретации, не форма множественного числа слова *иялах* «бог», а субстантивированное причастие от глагола *аляха* во множественном числе, т. е. не «бог богов», как это обычно переводят, а «Бог обожествляющих». Он заключает: «Бог (*Аллāх*), да возвеличится его восхваление, – это бог поклоняющегося (*иялах аль-’абд*), а поклоняющийся (*’абд*) обожествляет Его (*аляха-ху*)». Таким образом, он доказывает, что это не есть

имя собственное, как полагают некоторые, а обозначение того, кому поклоняются и кого обожествляют [20, с. 60–63].

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что Табари не только сохранил для потомков разнообразие экзегетических воззрений ранней мусульманской общины, но и на основе языкового анализа выразил собственное мнение по многим вопросам теоретического и практического богословия. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают его попытки объединить различные точки зрения толкователей, которые, помимо всего прочего, открывают широкие возможности будущим поколениям для новых интерпретаций. Сформулированная им экзегетическая формула «предания + язык», в которой при этом именно последний элемент является решающим, по сути означает, что познание и принятие традиционного возможно только через рациональное.

Литература

1. Bosworth C.E. Al-Tabari. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. 10. Leiden: E.J. Brill; 2000. P. 11–18.
2. Ас-Суйути Джалал ад-Дин. *Совершенство в коранических науках. Вып. 1. Учение о толковании Корана*. М.: ИД «Муравей»; 2000. 240 с.
3. Белл Р., Уотт У.М. *Коранистика: введение*. СПб: Издательство “Диля”; 2005. С. 195.
4. Ад-Дусуки Мухаммад. Фикх аль-имам ат-Табари: усулю-ху ва-хасаи-су-ху. *Хавлиййат куллиййат аш-шари‘а ва-д-дирасат аль-исламиййа*. 1989. №7. С. 71–106. (на арабск. яз.)
5. Brown Jonathan A.C. *Misquoting Muhammad: The Challenge and Choices of Interpreting the Prophet’s Legacy*. London: Oneworld Publications; 2014. 384 p.
6. Stewart Devin J. Muḥammad b. Jarīr al-Ṭabarī’s al-Bayān ‘an uṣūl al-aḥkām and the Genre of Uṣūl al-Fiqh. *Abbasid Studies: Occasional Papers of the School of Abbasid Studies, Cambridge 6–10 July 2002*. Leuven: Peeters; 2004. P. 321–349.

7. Stewart Devin J. Muhammad b. Dawud al-Zahiri's Manual of Jurisprudence. *Studies in Islamic Law and Society Volume 15: Studies in Islamic Legal Theory*. Leiden: Brill Publishers; 2002. P. 99–158.

8. Фролов Д.В., Зарипов И.А. Введение к тафсиру Табари. Перевод с арабского и комментарии. Часть первая. *Ислам в современном мире*. 2022;(1):27–46. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-1-27-46

9. Фролов Д.В., Зарипов И.А. Введение к тафсиру Табари. Перевод с арабского и комментарии. Часть вторая: тафсир. *Ислам в современном мире*. 2022;(2):27–46. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-1-27-46

10. Фролов Д.В., Зарипов И.А. Введение к тафсиру Табари. Перевод с арабского и комментарии. Часть третья: об именах Корана, понятиях сура и аят. *Ислам в современном мире*. 2022;(3):27–42. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-3-27-42

11. Фролов Д.В., Зарипов И.А. Первая теория коранической экзегетики во Введении к тафсиру Табари (839–923). *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение*. 2021;(2):42–56.

12. Фролов Д.В., Зарипов И.А. «Смыслы Писания Аллаха должны соответствовать речи арабов»: филологический компонент экзегетической теории Табари (839–923). *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение*. 2021;(3):19–31.

13. Ас-Суйути Джалал ад-Дин. *Совершенство в коранических науках. Выпуск 2: Учение о ниспослании Корана*. М.: ИД «Муравей»; 2001. 272 с.

14. Ат-Табари Мухаммад. *Джами' аль-байан фи та'виль аль-Кур'ан*. Т. 1. Медина, 2000. 575 с. (на арабск. яз.)

15. Зарипов И.А. Концепция исламского университета Мусы Бигиева. *Ислам в современном мире*. 2016;(2):137–144. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-2-137-144

16. Ат-Табари Мухаммад. *Джами' аль-байан фи та'виль аль-Кур'ан*. Т. 24. Медина, 2000. 711 с. (на арабск. яз.)

17. Фролов Д.В. *Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'*. Т. 3. Суры 98–114. М.: Восточная книга; 2014. 448 с.

18. Фролов Д.В. *Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'*. Т. 1. Суры 78–87. М.: Восточная книга; 2011. 592 с.

19. Аллах или Бог? Дискуссия С. М. Прозорова и Тауфика Камеля Ибрагима. *Минарет*. 2006;(1):8–15.

20. Фролов Д.В., Зарипов И.А. Тафсир Табари к суре «Фатиха». Перевод с арабского и комментарии. Ч. 1: названия, Исти‘аза и Басмала. *Ислам в современном мире*. 2023;(1):47–72. DOI: 10.22311/2074-1529-2023-19-1-47-72

References

1. Bosworth C.E. Al-Tabari. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. 10. Leiden: E.J. Brill; 2000, pp. 11–18.

2. As-Suiuti Dzhahal ad-Din. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukakh*. Vyp. 1. *Uchenie o tolkovanii Korana* [Perfection in the Quranic Sciences. Is. 1. The doctrine of the interpretation of the Quran]. Moscow: Muravei Publishing house; 2000. 240 p. (Russian translation)

3. Bell R., Wott M. *Koranistika: vvedenie* [Introduction to the Quran]. St. Petersburg: Dilya Press; 2005. 195 p. (Russian translation)

4. Al-Dusuqi, Muhammad. *Fiqh al-imam al-Tabari: usulu-hu wa-khasa’isu-hu*. *Hawliyyat kulliyat al-shari’ah wa-l-dirasat al-islamiyyah*. 1989;(7):71–106. (In Arabic)

5. Brown Jonathan A.C. *Misquoting Muhammad: The Challenge and Choices of Interpreting the Prophet’s Legacy*. London: Oneworld Publications; 2014. 384 p.

6. Stewart Devin J. Muḥammad b. Jarīr al-Ṭabarī’s al-Bayān ‘an uṣūl al-aḥkām and the Genre of Uṣūl al-Fiqh. *Abbasid Studies: Occasional Papers of the School of Abbasid Studies, Cambridge 6–10 July 2002*. Leuven: Peeters; 2004, pp. 321–349.

7. Stewart Devin J. Muhammad b. Dawud al-Zahiri’s Manual of Jurisprudence. *Studies in Islamic Law and Society*. Vol. 15: *Studies in Islamic Legal Theory*. Leiden: Brill Publishers; 2002, pp. 99–158.

8. Frolov D.V., Zaripov I. A. *Vvedenie k tafsiru Tabari*. *Perevod s arabskogo i kommentarii*. Chast’ pervaya [Introduction to the tafsir of Tabari. Translation from Arabic and comments. Part 1]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2022;(1):27–46. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-1-27-46 (In Russian)

9. Frolov D.V., Zaripov I.A. *Vvedenie k tafsiru Tabari*. *Perevod s arabskogo i kommentarii*. Chast’ vtoraya: tafsir [Introduction to the Tafsir of Tabari. Translation

from Arabic and Commentary. Part 2: tafsir.]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2022;(2):27–46. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-1-27-46 (In Russian)

10. Frolov D.V., Zaripov I.A. Vvedenie k tafsiru Tabari. Perevod s arabskogo i kommentarii. Chast' tret'ya: ob imenakh Korana, ponyatiyakh sura i aiat [Introduction to the Tafsir of Tabari. Translation from Arabic and Commentary. Part Three: The Names of the Quran and the Concepts of Surah and Ayah]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2022;(3):27–42. DOI: 10.22311/2074-1529-2022-18-3-27-42 (In Russian)

11. Frolov D.V., Zaripov I.A. Pervaya teoriya koranicheskoi ekzegetiki vo Vvedenii k tafsiru Tabari (839–923) [The first theory of Quranic exegesis in the Introduction to Tafsir Tabari (839–923)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13: Vostokovedenie* [Moscow University Bulletin. Vol. 13. Oriental studies]. 2021;(2):42–56. (In Russian)

12. Frolov D.V., Zaripov I.A. “Smysly Pisaniya Allakha dolzhny sootvetstvovat' rechi arabov”: filologicheskii komponent ekzegeticheskoi teorii Tabari (839–923) [“The meanings of Allah’s Scripture must correspond to the speech of the Arabs”: the philological component of Tabari’s exegetical theory (839–923)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13: Vostokovedenie* [Moscow University Bulletin. Vol. 13. Oriental studies]. 2021;(3):19–31. (In Russian)

13. As-Suiuti Dzhalal ad-Din. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukakh. Vypusk 2: Uchenie o nispolanii Korana* [Perfection in the Quranic Sciences Issue 2. The teaching of the revelation of the Quran]. Moscow: Muravei Publishing house; 2001. 272 p. (Russian translation)

14. Al-Tabari Muhammad. *Jami' al-bayan fi ta'wil al-Qur'an*. Vol. 1. Medina, 2000. 575 p. (in Arabic)

15. Zaripov I.A. Kontseptsiya islamskogo universiteta Musy Bigieva [Musa Bigiyev’s Concept of Islamic University]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2016;(2):137–144. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-2-137-144 (In Russian)

16. Al-Tabari Muhammad. *Jami' al-bayan fi ta'wil al-Qur'an*. Vol. 24. Medina, 2000. 711 p. (In Arabic)

I.A. Zaripov

The traditional and rational in the exegetical methodology of Muhammad ibn Jarir...

Minbar. Islamic Studies. 2024;17(1):82–96

17. Frolov D.V. *Kommentarii k Koranu. Tridtsatyi dzhuz'*. T. 3. Sury 98–114 [Commentary on the Quran. The thirtieth juz'. Vol. 3. Surahs 98–114]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ.; 2014. 448 p. (In Russian)

18. Frolov D.V. *Kommentarii k Koranu. Tridtsatyi dzhuz'*. T. 1. Sury 78–87 [Commentary on the Quran. The thirtieth juz'. Vol. 1. Surahs 78–87]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ.; 2011. 592 p. (In Russian)

19. Allah ili Bog? Diskussiya S. M. Prozorova i Taufika Kamelya Ibragima [Allah or God? Discussion by S. M. Prozorov & Taufiq Kamel Ibrahim]. *Minaret* 2006;(1):8–15. (In Russian)

20. Frolov D.V., Zaripov I.A. Tafsir Tabari k sure “Fatikha”. Perevod s arabskogo i kommentarii. Ch. 1: nazvaniya, Isti'aza i Basmala [Tafsir al-Tabari to Surah “Al-Fātiha”. Translation from Arabic and comments. Part 1: Names, Isti'ādha and Basmalla]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2023;(1):47–72. DOI: 10.22311/2074-1529-2023-19-1-47-72 (In Russian)

Информация об авторе

Зарипов Ислам Амирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Islam A. Zaripov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies for the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 января 2024
Одобрена рецензентами: 22 февраля 2024
Принята к публикации: 10 марта 2024

Article info

Received: January 22, 2024
Reviewed: February 22, 2024
Accepted: March 10, 2024